

Алексей Будищев

Бритва

Алексей Будищев

Бритва

«Public Domain»

1901

Будищев А. Н.

Бритва / А. Н. Будищев — «Public Domain», 1901

«Хмурый осенний день неприветливо глядел на землю. Было еще не поздно, но мутные волны сумерек уже затопляли мало-помалу всю окрестность, выцветшую и полинявшую от ненастья. В воздухе пахло сыростью; дул ветер; обнаженные вершины сада гудели по-зимнему, а вся усадьба купца Лопатина, брошенная среди плоского поля, имела вид донельзя жалкий и затерянный. Так, по крайней мере, казалось Степе Лопатину, уныло расхаживавшему по пустырю за садом. По его бледному лицу, едва опушенному бородкой, бродило выражение безысходной тоски. „Зачем я пойду туда? – думал он, поглядывая на усадьбу, – чего я там не видал? Батюшка пилит старосту, староста – рабочих, рабочие дубасят скотину. Вот и вся музыка. И другой не услышишь во веки веков!“ ...»

© Будищев А. Н., 1901

© Public Domain, 1901

Алексей Будищев

Бритва

I

Хмурый осенний день неприветливо глядел на землю. Было еще не поздно, но мутные волны сумерек уже затопляли мало-помалу всю окрестность, выцветшую и полинявшую от ненастья. В воздухе пахло сыростью; дул ветер; обнаженные вершины сада гудели по-зимнему, а вся усадьба купца Лопатина, брошенная среди плоского поля, имела вид донельзя жалкий и затерянный. Так, по крайней мере, казалось Степе Лопатину, уныло расхаживавшему по пустырю за садом. По его бледному лицу, едва опушенному бородкой, бродило выражение безысходной тоски. «Зачем я пойду туда? – думал он, поглядывая на усадьбу, – чего я там не видал? Батюшка пилит старосту, староста – рабочих, рабочие дубасят скотину. Вот и вся музыка. И другой не услышишь во веки веков!»

«А когда меня женят, – внезапно пришло ему в голову, – и у меня та же история пойдет, потому что другой истории, должно быть, и на свете не бывает!» – «Пакость! Гадость!» – едва не вскрикнул он с тоской на всем лице. Он хрустнул пальцами и снова уныло заходил по пустырю. В то же время ему вспомнилось, что ровно через неделю, в день Казанской Божьей Матери, к ним приедут родные его невесты и сама невеста Машенька Блинцева. А накануне Казанской ему нужно будет ехать в город, за тридцать верст, чтоб купить невесте подарок. Так ему приказали родители, и, следовательно, так нужно. Ему вспомнилось хорошенькое личико Машеньки Блинцевой, но он с тоской подумал: «Хочет, все-то она хохочет, а над чем – неизвестно!» Он в недоумении развел руками, повернул налево и уселся в самом конце сада на покосившейся скамье. Отсюда весь пустырь был у него перед глазами. Он лежал среди мутных осенних сумерек плоским грязнобурым пятном. Только одинокая березка, тонкая и прямая, как свечка, вздымалась посредине этого пустыря; а у ее белоснежного ствола чернела своей тонкой резьбой чугунная решетка могилы с таким же невысоким крестом. Эта могила сразу же приковала к себе все внимание Степы, и он уставил на нее тоскующий взгляд. Он всегда смотрит на нее так; вот уже месяц, как он не может смотреть на нее иначе. Странные мысли приходят ему в голову в эти минуты.

Степа шевельнулся на скамье и задумался. От кого-то, когда-то, где-то, – Степа сам не знает теперь достоверно, – но он слышал, что здесь, в этой могиле, схоронена дочь прежнего владельца Лопатинского поместья, молодая девушка, покончившая свои дни самоубийством. От кого он мог слышать эту историю, – Степа положительно терялся в догадках, и порою его мучило подозрение, уж не сочинил ли он эту легенду сам в один из тоскливых вечеров. Впрочем, Степа сейчас же гнал от себя это подозрение, и невольные вопросы зарождались в его голове: как оборвала эта девушка свою молодую жизнь – повесилась? утопилась? застрелилась?

Степа снова шевельнулся на скамье; его потянуло к этой одинокой могиле неведомой силой. Ему хотелось пойти туда, опуститься у холодной ограды на мокрую землю и плакать, плакать без конца. О чем, – он и сам не сумел бы высказать хорошенько: о бесплодной молодости, о серой жизни, о холодных, неприветливых сумерках бесконечной осени. Он уже поднялся было со скамьи и двинулся к этой могиле, но на полпути он образумился, – «Что же это я делаю, однако? – подумал он, – Ведь это на волосок от Бог знает чего!» Он остановился. Но куда же идти, куда же ему идти? В недоумении он повернулся лицом к усадьбе и повел тусклым взором. «Жених, хорош жених», – подумал он о себе, продолжая оглядывать усадьбу. Угол мокрого, застроенного амбарами двора метнулся ему в глаза. Там, у этих амбаров, рваные мужики с желтыми лицами и красными озябшими носами насыпали рожь в грязные телеги;

работу свою они производили с привычными жестами, не спеша, не расходуя понапрасну сил, точно им предстояло заниматься этим делом целую вечность. И их работа походила на работу каких-то манекенов. Мохнатые лошаденки с отвислыми нижними губами терпеливо стояли в оглоблях и тоже походили не на живые существа, а лишь на карикатуру живых существ. Так, по крайней мере, казалось Степе Лопатину. И Степа решил идти туда. Целый месяц он совершенно устранил себя от всякого вмешательства в экономические дела, но теперь он надумал изменить самому себе. Степа прекрасно знал, что эти рваные мужики, теперь копошившиеся у амбаров, приехали в усадьбу чуть не с утра, чтоб получить рожь в виде задатка за те полевые работы, которые они обязались исполнить для Лопатинской экономии на будущее лето. Степа все это знал прекрасно, и его поджигало любопытство проведать для каких целей ключники оттянули отпуск ржи чуть не до вечера. И он быстро пошел к амбарам, с злобной улыбкой, внезапно задержавшей его губы.

Там он примостился на краю высокого амбарного крыльца и стал глядеть и слушать. Прямо перед ним на длинном бревне, одним концом упиравшемся в крышу амбара, а другим в рыхлую землю, покачивались черепа: кадь для насыпки хлеба и скала с гирями. И на боку этой кади Степа заметил небольшой гвоздик, слегка изогнутый в виде крючка. Этот гвоздь неприятно поразил Степу. Он стал глядеть и слушать внимательней. Ключники, отпускавшие рожь, точно разделили свой труд; один из них следил за весом хлеба и стоял у самой кади с лотком в руке; на крючке его поддевки, у пояса, висел кнут; в то же время другой ключник стоял у очередной телеги и, облокотясь на ее задок грудью и руками рассказывал мужикам о потопе:

– И вот, – говорил он тягуче, – когда род людской погряз в мерзостях и обманах, Господь распалился сердцем Своим, разверз хляби небесные и наслал на землю потоп...

И вдруг Степа заметил, что ключник, стоявший у кади с хлебом, незаметно снял с крючка поддевки свой кнут, ловким движением фокусника набросил его на торчавший на боку кади гвоздь и наступил затем на его ременный, волочившийся по земле, конец. Сделал все это он чрезвычайно ловко и тем сравнял вес хлеба с весом гирь.

– Готово. Аккурат в аптеке, – проговорил он, обращаясь к мужикам и незаметно снимая с кади кнут. Мужики, привычными движеньями уцепив кадь, опрокинули ее содержимое в телегу.

Другой ключник в то же время говорил все так же тягуче:

– Обложили облака синь-небеса Господние, и хлестнул, братцы мои, дождь – нет того пущий...

Рассказчик внезапно умолк и отшатнулся от телеги пораженный. Степа с перекосившимся лицом быстро подошел к ключнику, стоявшему у кади, бешено схватил его рукой за шиворот и рванул его прочь от кади. Ключник ударился плечами о стену амбара.

– Мерзавцы, – вскрикнул Степа, задыхаясь, – Обвешивать, мерзавцы! Перевешивайте сызнава, мерзавцы!

Степа задыхался; дикое желание бить и колотить ключников бросало его в дрожь. Между тем, вокруг него поднялся целый содом. Все загалдели, засуетились, зажестикюлировали. Из усадьбы прибежали люди: староста, рабочие, кучер. Весь красный от гнева и опираясь на толстую палку, пришел отец Степы; запыхавшаяся от непривычной ходьбы, приплелась с испуганным лицом и мать. Даже горничная с крыльца дома наблюдала за происходившим у амбаров столпотворением. И по этим признакам Степа понял, что по Лопатинской усадьбе вновь прошумела весть: «Степочка опять набедокурил. Коленце Степочка вывернул!» Степа понял это, и от всей усадьбы, от всех ее мокрых и несурзных построек, от почвы и воздуха, на него пахнуло такой безысходной тоской, таким унынием, что он точно весь съезжился и обессилел под этим наплывом. Среди стоявшего у амбаров столпотворения он понял только, что действительно он сотворил какую-то глупость, какое-то преступление, Он чувствовал,

что все возмущены его поступком, все без изъятия, даже мужики, ради интересов которых он заварил всю эту кутерьму. Весь осунувшийся и ослабевший, он двинулся прочь от этих галдевших амбаров, и за своей спиной он услышал сердитое ворчанье отца:

– Куда не сунется, всю историю испортит.

Когда Степа был на крыльце дома, у амбаров воцарилась невозмутимая тишь, и прерванная работа продолжалась.

«Вот всегда так, – тоскливо думал Степа, – куда ни сунусь, все дело им испорчу. У мужиков только времени сколько понапрасну отнял!»

Раздеваясь в прихожей, он думал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.